Полное житие преподобной матери нашей Марии Египетской

Слушать аудио

Святитель Софроний, патриарх Иерусалимский

Житие преподобной матери нашей Марии Египетской (1)

«Тайну цареву скрывать хорошо, дела же Божии открывать славно» (Тов.12:7). Так сказал ангел Товии, после чудесного исцеления от слепоты очей, после всех опасностей, через которые он провел и от которых избавил его своим благочестием. Не сохранить тайны царя – дело опасное и страшное. Умолчать же о чудных делах Божиих – опасно для души. Посему и я, движимый страхом умолчать о божественном и вспоминая о наказании, обещанному рабу, который, взяв от господина талант, зарыл его в землю и данное для работы скрыл бесплодно, – не умолчу о священной повести дошедшей до нас. Никто да не усомнится поверить мне, писавшему о слышанном, и не думает, что я сочиняю басни, пораженный величием чудес. Избави меня Бог солгать и подделать рассказ, в котором поминается имя Его. Мыслить же низменно и недостойно величия воплощенного Бога Слова и не верить сказанному здесь – по моему, неразумно. Если

же найдутся такие читатели сего повествования, которые, пораженные чудесностью слова, не пожелают верить ему, да будет к ним милостив Господь; ибо они, помышляя о немощи человеческой природы, считают невероятными чудеса, повествуемые о людях. Но приступлю к повести моей, о делах явленных в нашем поколении, как поведал ее мне благочестивый муж, с детства научившийся божественному слову и делу. Пусть не ссылаются в оправдание неверия, что невозможно в нашем поколении совершиться таким чудесам. Ибо благодать Отца, текущая через роды в роды по душам святых, творит друзей Божиих и пророков, как об этом учит Соломон. Но время начать сию священную повесть.

Жил человек в палестинских монастырях, славный жизнью и даром слова, с младенческих пелен воспитанный в иноческих подвигах и добродетелях. Имя старцу было Зосима. Да не подумает кто-либо, судя по имени, что я называю того Зосиму, который некогда был обличен в неправославии. То был совсем другой Зосима, и между ними большое различие, хотя оба носили одинаковое имя. Этот Зосима был православный, с самого начала подвизавшийся в одной из палестинских обителей, прошедший все виды подвижничества, искушенный во всяком воздержании. Соблюдал он во всем правило, завещанное от воспитателей на поприще этой духовной атлетики, многое и от себя примыслил, трудясь покорить плоть духу. И не миновал он своей цели: столь прославился старец духовною жизнью, что многие из ближних, а то и из дальних монастырей, нередко приходили к нему, чтобы в учении его найти для себя образец и устав. Но столь потрудившись в жизни деятельной, старец не оставлял попечения и о божественном слове, ложась, и вставая, и держа в руках работу, которой кормился. Если же хочешь узнать о пище, которой он питался, то одно имел он дело неумолчное и непрестанное — петь Богу всегда и размышлять о божественном слове. Часто, говорят, старец бывал удостоен божественных видений, озаряемый свыше, по слову Господа: очистившие свою плоть и всегда трезвящиеся неусыпающим оком души узрят видения озаряемые свыше, имея в них залог ожидающего их блаженства.

Рассказывал Зосима, что, едва оторвавшись от материнской груди, был он отдан в тот монастырь и до пятьдесят третьего года проходил в нем аскетический подвиг. Потом же, как сам рассказывал, стал он мучиться помыслом, будто бы он совершенен во всем и не нуждается в научении ни от кого. И так, по его словам, начал рассуждать сам с собой: «Есть ли на земле монах, могущий оказать мне пользу и передать мне нечто новое, такой вид подвига, которого я не знаю и не совершил? Сыщется ли среди любомудрых пустыни муж, превосходящий меня жизнью или созерцанием»?

Так рассуждал старец, когда предстал ему некто и сказал:

— «Зосима! Доблестно ты подвизался, в меру сил человеческих, доблестно свершил аскетический путь. Но никто среди людей не достиг совершенства, и больше подвиг, предстоящий человеку, уже совершенного, хотя вы и не знаете сего. А чтобы и ты узнал, сколько есть иных путей ко спасению, выйди из родной земли твоей, из дома отца твоего, как Авраам, славный среди патриархов, и ступай в монастырь близ реки Иордана».

Тотчас, повинуясь велению, старец выходит из монастыря, в котором с детских лет подвизался, и, достигнув Иордана, святой реки, направляется в путь, ведущий его в монастырь, в который послал его Бог. Толкнув рукой дверь обители, видит сперва инока-привратника; тот проводит его к игумену. Игумен, приняв его и увидев благочестивый его образ и обычай — сотворил он обычное монашеское метание (уставный поклон) и молитву — спросил его:

— «Откуда ты, брат, и ради чего пришел к смиренным старцам?»

Зосима отвечал:

— «Откуда я, нет нужды говорить, пришел же я ради пользы душевной. Слышал я о вас много славного и достохвального, что может душу приблизить к Богу».

Игумен сказал ему:

— «Бог один, исцеляющий человеческую немощь, откроет, брат, тебе и нам Свою божественную волю и научит творить, что подобает. Человек человеку помочь не может, если каждый не будет внимать себе постоянно и трезвенным умом делать должное, имея Бога сотрудником дел своих. Но если, как ты говоришь, любовь Божия подвигнула тебя увидать нас, смиренных старцев, останься с нами, и всех нас напитает благодатью Духа Добрый Пастырь, давший душу Свою во избавление за нас и знающий овец Своих по именам.

Так говорил игумен, а Зосима, опять сотворив метание и испросив его молитв, сказал «аминь» и остался жить в монастыре.

Увидел он старцев, славных жизнью и созерцанием, горящих духом, работающих Господу. Пение их было непрестанное, стояние всенощное. В руках их всегда работа, на устах псалмы. Ни слова праздного, ни помысла о земных делах: доходы, исчисляемые ежегодно, и заботы о земных трудах даже по имени были им неизвестны. Но одно было тщание у всех — быть телом, как труп, умереть совершенно миру и всему, что в мире. Пищей же их неоскудевающей были боговдохновенные слова. Тело питали они одним необходимым, хлебом и водой, ибо каждый пламенел божественной любовью. Видя это, Зосима, по словам его, весьма назидался, устремляясь вперед, ускоряя свой собственный бег, ибо нашел соработников себе, искусно обновляющих сад Божий.

Прошло довольно дней и приблизилось время, когда христианам заповедано совершать священный пост, приготовляя себя к поклонению божественным Страстям и Воскресению Христову. Врата монастыря были всегда закрыты, позволяя инокам подвизаться в тишине. Отворялись они лишь тогда, когда крайняя нужда заставляла монаха выйти из ограды. Пустынно было сие место, и большинству соседних монахов не только недоступно, но даже неизвестно. Соблюдалось же в монастыре правило, ради которого, думаю, и Бог привел Зосиму в тот монастырь. Какое это правило, и как соблюдалось, сейчас скажу. В воскресенье, которое дало имя первой седмице поста, совершались, как всегда, в церкви

Божественные Таинства и каждый причащался тех Пречистых и Животворящих Таин. Вкушали и пищи немного, по обычаю. После того все сходились в церковь и, помолившись прилежно, с земными поклонами, старцы целовали друг друга и игумена, обнимая и творя метание, и каждый просил помолиться о нем и иметь его соподвижником и сотрудником в предстоящей брани.

После сего монастырские врата отворялись, а с согласным пением псалма: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, кого устрашуся?» (Пс.26:1) и далее, по порядку, – все выходили из монастыря. Одного брата или двух оставляли в монастыре, не для того, чтобы стеречь имущество (не было у них ничего, соблазнительного для грабителей), но чтобы не оставлять храма без службы. Каждый брал с собой пищу, какую мог и хотел. Один нес немного хлеба, по телесной потребности, другой смоквы, тот финики, этот зерна, размоченные в воде. Последний, наконец, не имел ничего, кроме собственного тела и покрывающих его рубищ, и питался, когда природа требовала пищи, растениями пустыни. Был же у каждого из них такой устав и закон, нерушимо соблюдаемый всеми – не знать друг о друге, как кто живеть и постится. Перейдя тотчас Иордан, они расходились далеко друг от друга по широкой пустыне, и ни один не подходил к другому. Если же кто издали замечал брата, приближающагося к нему, сейчас же сворачивал в сторону; каждый жил с самим собою и с Богом, все время поя псалмы и мало вкушая от своей пищи.

Так проведя все дни поста, возвращались они в монастырь за неделю пред животворящим Воскресением Спасителя из мертвых, когда Церковь установила праздновать с ваиями предпраздничное торжество. Каждый возвращался с плодами собственной совести, знающей, как он потрудился и каких трудов бросил в землю семена. И никто не спрашивал другого, как он совершал предположенный подвиг. Таков был устав монастыря, и столь строго он соблюдался. Каждый из них в пустыне боролся против себя самого пред судией борьбы – Богом, не ища угождать людям или поститься на глазах у них. Ибо совершаемое ради людей,

ради угождения человеческого, не только не на пользу делающему, но и бывает для него причиной великого наказания.

Тогда и Зосима по уставу монастыря того перешел через Иордан, взяв с собой на дорогу немного пищи на телесную потребу и рубища, которые были на нем. И совершал правило, проходя через пустыню, и давая время пище по природной нужде. Спал он ночью, опускаясь на землю и вкушая краткий сон, где заставал его вечерний час. Утром же снова отправлялся в путь, горя неослабевающим желанием идти все дальше и дальше. Запало ему в душу, как он сам говорил, углубиться в пустыню, надеясь найти какого-либо отца, живущего там, который бы мог утолить его желание. И он все шел неутомимо, словно спеша к какой-то известной всем гостинице. Он прошел уже двадцать дней и, когда настал шестой час, приостановился и, обратившись к востоку, совершил обычную молитву. Он всегда прерывал свой путь в установленные часы дня и немного отдыхал от трудов, — то стоя воспевал псалмы, то молился, преклонив колена.

И когда он пел, не отвращая глаз от неба, видит он справа от холма, на котором стоял, словно тень человеческого тела. Сперва он смутился, думая, что видит бесовское привидение, и даже вздрогнул. Но, оградив себя знамением креста и отогнав страх (уже окончена была его молитва), он обращает взор и видит, действительно, некое существо, идущее на полдень. Было оно наго, черно телом, словно спаленное солнечным зноем; волоса на голове белы, как руно, и не длинны, спускаясь не ниже шеи. Увидев его, Зосима, словно в исступлении от великой радости, начал бежать в ту сторону, куда удалялось видение. Радовался же он радостью несказанной. Ни разу еще не видал он за все эти дни человеческого лица, ни птицы, ни зверя земного, ни даже тени. Искал он узнать, кто этот явившийся ему и откуда, надеясь, что откроются ему некие великие тайны.

Но, когда призрак увидел издали приближающегося Зосиму, он начал быстро убегать вглубь пустыни. А Зосима, позабыв о своей старости, не помышляя уже и о трудах пути, усиливался настигнуть бегущее. Он догонял, оно убегало. Но быстрее был

бег Зосимы, и вскоре он приблизился к бегущему. Когда же Зосима подбежал настолько, что можно было расслышать голос, начал он кричать, поднимая вопль со слезами:

– «Что ты убегаешь от старца грешника? Раб Бога истинного, подожди меня, кто бы ты ни был, заклинаю тебя Богом, ради Которого живешь в этой пустыне. Подожди меня немощного и недостойного, заклинаю надеждой твоей на воздаяние за труд твой. Остановись и подари мне старцу молитву и благословение ради Господа, не презирающего никого».

Так говорил Зосима со слезами, и бежали они оба в местности, похожей на русло высохшего потока. Но сдается мне, что никогда там не было потока (откуда в той земле быть потоку?), но такой вид имела там земля от природы.

Когда достигли они этого места, бежавшее существо спустилось вниз и поднялось на другой берег оврага, а Зосима, утомленный и уже не в силах бежать, остановился на этой стороне, усилив свои слезы и рыдания, которые могли быть уже слышны вблизи. Тогда бегущее подало голос:

– «Авва Зосима, прости мне, ради Бога, не могу я обернуться и показаться тебе лицом. Женщина я, и нагая, как видишь, с непокровенным стыдом своего тела. Но, если желаешь исполнить одну мольбу грешной жены, брось мне одежду твою, чтобы я могла прикрыть ей женскую немощь и, повернувшись к тебе, получить твое благословение».

Тут ужас и исступление нашли на Зосиму, по его словам, когда он услышал, что она назвала его по имени, Зосимой. Но, будучи мужем острого ума и мудрым в делах божественных, уразумел он, что не назвала бы она его но имени, не видев раньше никогда и не слыхав о нем, если бы не была озарена даром прозорливости.

Тотчас исполнил он повеленное, и, сняв с себя ветхую и разодранную мантию, бросил ей, отвернувшись, она же, взяв ее прикрыла отчасти наготу тела, обернулась к Зосиме и сказала:

– «Зачем пожелал ты, Зосима, видеть грешную жену? Что узнать от меня или увидеть хочешь ты, не убоявшийся принять такой труд?»

Он, приклонив колена, просит дать ему обычное благословение; и она тоже творит метание. Так лежали они на земле, прося благословения друг у друга и одно только слово можно было слышать от обоих: «Благослови!» Спустя долгое время жена говорит Зосиме:

– «Авва Зосима, тебе подобает благословлять и творить молитву. Ты почтен саном пресвитера, ты много лет предстоишь святому престолу и приносишь жертву Божественных Таин».

Это повергло Зосиму в еще больший ужас; задрожав, старец покрылся смертельным потом, застонал, и голос его прервался. Говорит ей, наконец, с трудом переводя дыхание:

– «О, духоносная мать, явно по всей твоей жизни, что ты пребываешь с Богом и почти умерла для мира. Явна и дарованная тебе благодать, если ты назвала меня по имени и признала пресвитером, никогда ранее не видев меня. Благодать познается не саном, а духовными дарами – благослови же меня ты, ради Бога, и помолись за меня, нуждающегося в твоем предстательстве».

Тогда, уступая желанию старца, жена сказала:

– «Благословен Бог, пекущийся о спасении людей и душ».

Зосима ответил:

– «Аминь!», – и оба встали с колен. Жена говорит старцу:

– «Ради чего пришел ты, человек, ко мне грешной? Ради чего пожелал видеть жену, оголенную от всякой добродетели? Впрочем, привела тебя благодать Святого Духа, чтобы совершить для меня некое служение благовременное. Скажи мне, как живет ныне христианский народ? Как цари? Как пасется Церковь?»

Зосима сказал ей:

— «Вашими святыми молитвами, мать, Христос всем даровал прочный мир. Но приими недостойную мольбу старца и помолись за весь мир и за меня грешного, чтобы не без плода для меня было хождение по этой пустыне».

Она отвечала ему:

— «Тебе подобает, авва Зосима, имеющему сан иерейский, молиться за меня и за всех. Ибо к этому ты призван. Но так как мы должны исполнять послушание, то охотно сделаю повеленное тобою».

С этими словами она обратилась на восток и, подняв глаза к небу и воздев руки, шепотом начала молиться. Не слышно было раздельных слов, так что Зосима не мог ничего понять из ее молитвы. Стоял же он, по его словам, с трепетом, глядя в землю и не говоря ни слова. И клялся он, призывая Бога в свидетели, что, когда показалась ему длинной ее молитва, он отвел глаза от земли и видит: поднялась она на локоть от земли, и стоит, молясь, на воздухе. Когда он увидел это, им овладел еще больший ужас и, не смея ничего вымолвить от страха, упал он на землю, повторяя лишь многократно: «Господи, помилуй!»

Лежа на земле, смущался старец помыслом: «не дух ли это, и не притворна ли та молитва?» Жена же, обернувшись, подняла авву, говоря:

— «Что смущают тебя, авва, помыслы, соблазняя обо мне, будто дух я и притворно творю молитву? Знай, человек, что я грешная женщина, хотя и ограждена святым крещением. И не дух я, но земля и пепел, одна плоть. Ни о чем духовном не помышляю». И с этими словами ограждает себе крестным знамением чело и глаза, уста и грудь, говоря: «Бог, авва Зосима, да избавит нас от лукавого и от козней его, ибо велика брань его на нас».

Слышав и видев сие, старец пал на землю и со слезами обнял ноги ее, говоря: «Заклинаю тебя, именем Христа Бога нашего,

родившегося от Девы, ради Которого ты облеклась в эту наготу, ради Которого так истощила свою плоть, не таи от раба твоего, кто ты и откуда, когда и как пришла в эту пустыню. Все поведай, да явны будут чудные дела Божии… Мудрость сокровенная и тайное сокровище — какая в них польза? Скажи мне все, заклинаю тебя. Ибо не ради тщеславия и оказательства скажешь, но чтобы открыть истину мне грешному и недостойному. Верю Богу, Которому ты живешь и служишь, что для того привел Он меня в эту пустыню, чтобы явить пути Господни о тебе. Не в нашей власти противиться судьбам Божиим. Если бы не было угодно Христу Богу нашему явить тебя и твой подвиг, не дал бы Он тебя видеть никому, и меня не укрепил бы совершить такой путь, никогда не желавшего и не смевшего выйти из кельи».

Многое говорил авва Зосима, жена же, подняв его, сказала:

— «Стыжусь, авва мой, рассказать тебе позор моих дел, прости меня Бога ради. Но как ты видел уже мое нагое тело, обнажу пред тобою и дела мои, чтобы ты знал, каким стыдом и срамом полна душа моя. Не тщеславия убегая, как ты подумал, не желала я рассказать о себе, да и чем мне тщеславиться, бывшей избранным сосудом диавола? Знаю и то, что, когда начну свою повесть, ты убежишь от меня, как бежит человек от змеи, не смогут уши твои услышать безобразия дел моих. Но скажу, ни о чем не умолчав, заклиная тебя, прежде всего непрестанно молиться за меня, чтобы найти мне милость в день Судный». Старец плакал неудержимо, а жена начала свой рассказ.

«Родной брат мой был Египет. Еще при жизни родителей, когда мне было двенадцать лет; я отвергла любовь их и пришла в Александрию. Как я там вначале погубила мою девственность, как неудержимо и ненасытимо отдалась сладострастию, стыдно и вспоминать. Приличней сказать вкратце, чтобы ты знал страсть мою и сластолюбие. Около семнадцати лет, прости, прожила я, будучи как бы костром всенародного разврата, вовсе не ради корысти, говорю истинную правду. Часто, когда мне хотели давать деньги, я не брала. Так я поступала, чтобы заставить как можно больше людей добиваться меня, даром совершая угодное

мне. Не подумай, что я была богата и оттого не брала денег. Жила я подаянием, часто пряжей льна, но имела ненасытное желание и неудержимую страсть валяться в грязи. Это было для меня жизнью, жизнью почитала я всяческое поругание природы.

Так я жила. И вот однажды летом вижу большую толпу ливийцев и египтян, бегущих к морю. Я спросила встречного: «Куда спешат эти люди?» Он мне ответил: «Все отправляются в Иерусалим на Воздвижение Честнаго Креста, которое предстоит по обычаю через несколько дней». Сказала ему я: «Не возьмут ли и меня с собою, если я пожелаю ехать с ними?» «Никто тебе не воспрепятствует, если имеешь деньги за провоз и продовольствие». Я говорю ему: «По правде, нет у меня ни денег, ни продовольствия. Но поеду и я, взойдя на один из кораблей. А кормить они меня будут, хотят того или нет. Есть у меня тело, возьмут его вместо платы за провоз».

«А ехать мне захотелось для того – прости мне авва, – чтобы иметь побольше любовников для утоления моей страсти. Говорила я тебе, авва Зосима, чтобы ты не принуждал меня рассказывать о своем позоре. Боюсь я, видит Бог, что оскверню и тебя и воздух моими словами».

Зосима, орошая землю слезами, отвечал ей:

– «Говори, ради Бога, мать моя, говори и не прерывай нити столь назидательного повествования».

Она же, продолжая свой рассказ, сказала:

– «Юноша тот, услышав безстыдные мои слова, рассмеялся и ушел. Я же, бросив прялку, которую в то время носила с собой, бегу к морю, куда, вижу, бегут все. И, увидя юношей, стоящих на берегу, числом десять или больше, полных сил и ловких в движениях, я нашла их пригодными для своей цели (казалось, одни поджидали еще путешественников, другие же взошли на корабль). Бесстыдно, как всегда, я вмешалась в их толпу».

– «Возьмите, – говорю, – и меня с собой, куда плывете. Я не

окажусь для вас лишней».

Прибавила я и другие слова похуже, вызвав общий смех. Они же, увидя мою готовность на бесстыдство, взяли меня и повели на свое судно. Явились и те, кого поджидали, и мы тотчас пустились в путь.

То, что было затем, как расскажу тебе, человек? Чей язык выразит, чье ухо постигнет то, что происходило на судне во время плавания. Ко всему этому я принуждала несчастных даже против их воли. Нет вида разврата, выразимого или не выразимого словом, в котором я не была бы учительницей несчастных. Удивляюсь я, авва, как вынесло море наше распутство! Как земля не отверзла свой зев и живую не поглотил меня ад уловившую в сети столько душ! Но, думаю, Бог искал моего покаяния, ибо не хочет он смерти грешника, но ждет великодушно его обращения. В таких трудах мы прибыли в Иерусалим. Все дни, до праздника проведенные мною в городе, я занималась тем же самым, если не худшим. Я не довольствовалась юношами, которых имела на море и которые помогли моему путешествию. Но и многих других соблазнила на это дело — граждан и чужестранцев.

Уже настал святой день Воздвижения Креста, а я все еще бегаю, охотясь за юношами. Вижу я на рассвете, что все спешат в церковь, пустилась и я бежать с прочими. Пришла с ними к притвору храма. Когда настал час святого Воздвижения, я толкалась и меня теснили в толпе, пробивающейся к дверям. Уже до самых дверей храма, в которых показалось народу Животворящее Древо, протиснулась я несчастная, с великим трудом и давкой. Когда же я ступила на порог дверей, в которые все прочие входили невозбранно, меня удержала какая-то сила, не давая войти. Снова меня оттеснили, и я увидела себя стоящей одиноко в притворе. Думая что это случилось со мной по женской немощи, я снова, слившись с толпой, стала работать локтями, чтобы протиснуться вперед. Но даром трудилась. Снова нога моя ступила на порог, через который другие входили в церковь, не встречая никакого препятствия. Одну меня злосчастную не принял

храм. Словно отряд воинов был поставлен, чтобы возбранить мне вход, — так удерживала меня какая-то могучая сила, и опять я стою в притворе.

Трижды, четырежды повторив это, я, наконец, устала и была уже не в силах толкаться и получать толчки; я отошла и стала в углу притвора. И насилу-то я начала понимать причину, возбранявшую мне видеть Животворящий Крест. Коснулось сердечных очей моих слово спасения, показавшее мне, что нечистота дел моих заграждает мне вход. Стала я плакать и скорбеть, ударяя себя в грудь и стеная из глубины сердца. Стою я и плачу, и вижу над собой икону Пресвятой Богородицы, и говорю Ей, не сводя с Нее глаз:

— «Дева, Владычица, Бога Слово плотию рождшая, знаю я, что не прилично мне сквернoй и развратной, взирать на икону Твою, Приснодева, Твою, Чистая, Твою, сохранившая в чистоте и незапятнанности тело и душу. Я, развратная, справедливо должна внушать ненависть и отвращение Твоей чистоте. Но, если, как слышала я, для того человеком стал Бог, рожденный Тобою, чтобы призвать грешников к покаянию, помоги одинокой, не имеющей ниоткуда помощи. Повели, да откроется мне вход в церковь, не лишай меня возможности взирать на то Древо, на котором пригвожден был плотию Бог, рожденный Тобою, и пролил Свою собственную кровь в выкуп за меня. Но вели, Госпожа, да откроется и для меня дверь священного поклонения Кресту. А Тебя я призываю надежной поручительницей перед Богом, Сыном Твоим, в том, что никогда больше не оскверню этого тела постыдным совокуплением, но как только увижу Крестное Древо Сына Твоего, тотчас отрекусь от мира и всего, что в мире, и уйду туда, куда Ты, Поручительница спасения, повелишь и поведешь меня».

Так я сказала и, словно обретя некоторое упование в пламенной вере, обнадеженная милосердием Богородицы, схожу с того места, где стояла на молитве. И опять иду и вмешиваюсь в толпу входящих в храм, и уже никто не толкает, не отталкивает меня, никто не препятствует подойти ближе к дверям. Овладел мною

трепет и исступление, и вся я дрожала и волновалась. Достигнув дверей, прежде недоступных для меня – словно вся сила, раньше возбранявшая мне, теперь расчищала мне путь, – я вошла без труда и, оказавшись внутри святого места, сподобилась воззреть на животворящий Крест, и увидела Тайны Божии, увидела, как принимает покаяние Господь. Пала я ниц и, поклонившись этой святой земле, побежала, несчастная, к выходу, спеша к моей Поручительнице. Возвращаюсь на то место, где я подписала грамоту своего обета. И, преклонив колена перед Приснодевой-Богородицей, обратилась к Ней с такими словами: – «О милосердая Госпожа. Ты показала на мне Свое человеколюбие. Ты не отвергла моления недостойной. Видела я славу, которой по справедливости не видим мы, несчастные. Слава Богу, принимающему через Тебя покаяние грешников. О чем мне, грешной, еще вспомнить или сказать? Время, Госпожа, исполнить мой обет, согласно с Твоим поручительством. Ныне веди, куда повелишь. Ныне будь мне учительницей спасения, веди меня за руку по пути покаяния». – При этих словах я услышала голос с высоты: – «Если перейдешь Иордан, найдешь славное упокоение».

Услышав тот голос и поверив, что он раздался для меня, я заплакала и воскликнула к Богородице: – «Госпожа, Госпожа, не покидай меня», – с этими словами я вышла из притвора храма и поспешно отправилась в путь.

Некто при выходе, посмотрев на меня, дал мне три монеты, сказав: – «Возьми, матушка». Я же на данные мне деньги купила три хлеба и взяла их с собой в дорогу, как благословенный дар. Спросила я продающего хлеб: – «Где дорога к Иордану?» Мне показали городские ворота, ведущие в ту сторону, и я бегом вышла из них и с плачем пустилась в путь.

Расспросив встречных о дороге и пройдя остаток дня (был, кажется, третий час, когда я увидела Крест), я достигла, наконец, на закате храма Иоанна Крестителя, по близости от Иордана. Помолившись в храме, я тотчас спустилась к Иордану и омочила лицо и руки в его святой воде. Причастилась Пречистых и Животворящих Таин в церкви Предтечи и съела половину хлебца;

испив воды из Иордана, я провела ночь на земле. Наутро, найдя маленький челнок, переправилась на другой берег и опять молила Водительницу вести меня, куда Ей будет угодно. Очутилась я в этой пустыне, и с тех пор до сего дня удаляюсь и бегаю, живу здесь, прилепившись Богу моему, спасающему от малодушия и бури обращающихся к Нему».

Зосима спросил ее:

— «Сколько лет, госпожа моя, прошло с тех пор, как ты живешь в этой пустыне?»

Жена отвечала:

— «Сорок семь лет уже, сдается мне, как я вышла из святого города».

Спросил Зосима:

— «Какую же пищу ты находила, госпожа моя?»

Сказала жена:

— Два с половиной хлеба было у меня, когда я переправилась через Иордан. Вскоре они засохли и окаменели. Понемногу вкушая, я прикончила ихъ». — Зосима спросил:

— «Неужели так безболезненно ты прожила в течение стольких лет, не страдая от столь крутой перемены?»

Отвечала жена:

— «Спрашиваешь ты меня, Зосима, о том, о чем трепещу говорить. Если привести на память все опасности, которые я преодолела, все лютые помыслы, меня смущавшие, боюсь я, как бы опять они не напали на меня».

Сказал Зосима:

— «Не утаивай от меня ничего, госпожа моя, я просил тебя, чтобы обо всем мне поведала без утайки».

Она же ему: «Поверь мне, авва, семнадцать лет я провела в этой пустыне, борясь с дикими зверями — безумными желаниями. Только соберусь вкусить пищи, тоскую о мясе, о рыбе, которых много в Египте. Тоскую о вине, столь мною любимом. Много пила я вина, пока жила в мире. Здесь же не имела даже воды, страшно горя от жажды и изнемогая. Вселялось в меня безумное желание разгульных песен, сильно смущавшее меня и внушавшее петь песни демонов, которым я научилась когда-то. Но тотчас со слезами я била себя в грудь и напоминала себе об обете, который дала, уходя в пустыню. Возвращалась мысленно к иконе Богородицы, принявшей меня, и к Ней взывала, умоляя отогнать помыслы, одолевавшие несчастную мою душу. Когда же наплачусь вдоволь, колотя себя в грудь изо всей силы, вижу свет, озаряющий меня отовсюду. И, наконец, за треволнением наступала длительная тишина.

А о помыслах, снова толкавших меня на блуд, как рассказать тебе, авва? Огонь загорался в несчастном сердце моем и всю меня сжигал и будил жажду объятий. Как только находил этот помысл, я бросалась на землю и орошала ее слезами, словно видела перед собой Поручительницу, явившуюся ослушнице и грозящую карой за преступление. И до тех пор не вставала с земли (случалось лежать там и день и ночь), пока не озарит меня тот сладостный свет и не прогонит помыслы, обуревающие меня. Но всегда я устремляла очи разума к моей Поручительнице, прося помощи утопающей в волнах пустыни. И помощницей Ее имела и восприемницей покаяния. И так прожила я семнадцать лет среди тысячи опасностей. С того времени и поныне Заступница моя во всем мне помогает и словно за руку ведет меня».

Спросил ее Зосима:

— «Неужели ты не нуждалась в пище и одежде?»

— Она отвечала: «Окончив те хлебы, про которые я говорила, семнадцать лет питалась я растениями и всем, что можно найти в пустыне. Одежда же, в которой я переправилась через Иордан, вся порвалась и износилась. Много я страдала от холода, много

и от летнего зноя: то солнце меня пекло, то стыла я, дрожа от стужи, и часто, упав на землю, лежала без дыхания и движения. Со многими напастями и страшными искушениями я боролась. Но с тех пор и до ныне сила Божия многообразными путями охраняла мою грешную душу и смиренное тело. Когда помышляю о том, от каких зол избавил меня Господь, имею пищу нетленную, надежду на спасение. Питаюсь я и покрываюсь словом Бога, Владыки всяческих. Ибо не одним хлебом жив будет человек и, не имея одежды, облекутся в камень все, снявшие с себя покровы греха».

Зосима, услышав, что она упомянула слова Писания, из Моисея и Иова, спросил ее:

— «А ты читала псалмы, госпожа моя, и другие книги?» — Она же улыбнулась на это и говорит старцу:

— «Поверь мне, не видела я лица человеческого с тех пор, как узнала эту пустыню. Книгам никогда не училась. Не слышала даже никого, поющего или читающего их. Но Слово Божие, живое и действенное, само учит знанию человека. Вот и конец моему повествованию. Но, как я просила вначале, так и теперь заклинаю тебя воплощением Бога Слова молиться Господу за меня грешную».

Сказав это и положив конец своему рассказу, она сотворила метание. И старец воскликнул со слезами:

— «Благословен Бог, сотворивший великое и чудное, славное и дивное без числа. Благословен Бог, показавший мне, как одаряет Он боящихся Его. Воистину не оставляешь Ты, Господи, ищущих Тебя».

Она же, удержав старца, не дала ему сотворить метание, но сказала:

— «О всем, что ты слышал, человек, заклинаю тебя Спасителем Христом Богом нашим, не говорить никому, пока Бог не освободит меня от земли. Теперь же отправляйся в мире и снова на будущий год увидишь меня и я увижу тебя, если Господь сохранит тебя по

милости Своей. Исполни же, раб Господа, о чем я теперь попрошу тебя. В великий пост будущего года не переходи Иордана, как у вас в обычае в монастыре». Изумился Зосима, слыша, что и устав монастырский она объявляет ему, и ничего другого не сказал, кроме:

— «Слава Богу, дарующему великое любящим Его».

Она же сказала:

— «Останься, авва, в монастыре. Если захочешь выйти, невозможно тебе будет. На закате же святого дня Тайной Вечери, возьми для меня Животворящего Тела и Крови Христовой в священный сосуд, достойный таких Таин, и неси, и жди меня на берегу Иордана, прилегающем к населенной земле, чтобы мне принять и причаститься Животворящих Даров. С тех пор, как причастилась я в храме Предтечи, прежде чем перейти Иордан, и до сего дня я не приступала к святыне. И ныне алчу ее с неудержимой любовью. Потому, прошу и умоляю исполнить мою просьбу, — принеси мне Животворящие и Божественные Тайны в тот час, когда Господь сделал учеников Своих причастниками священной Вечери. Авве же, Иоанну, игумену монастыря, в котором ты живешь, скажи следующее: «Внимай себе и своему стаду: творится у вас нечто, нуждающееся в исправлении». Но хочу, чтобы ты не теперь сказал это ему, а когда Господь внушит тебе. Молись за меня». С этими словами она исчезла в глубине пустыни. А Зосима, пав на колени и поклонившись земле, на которой стояли ее ноги, воздал славу и благодарение Богу. И снова пройдя эту пустыню, вернулся в монастырь в тот самый день, когда возвращались туда иноки.

Весь год промолчал он, не смея никому рассказать о виденном. Про себя же молил Бога показать ему опять желанный лик. Мучился он и терзался, представляя себе, как долго тянется год и желая, чтобы, если возможно, год сократился до одного дня. Когда же настал воскресный день, зачинающий священный пост, тотчас все вышли в пустыню с обычной молитвой и пением псалмов. Его же удержала болезнь; он лежал в лихорадке. И

вспомнил Зосима, что сказала ему святая: «Даже если захочешь, выйти из монастыря, невозможно тебе будет».

Прошло немало дней, и, восстав от болезни, он пребывал в монастыре. Когда же снова вернулись монахи, и настал день Тайной Вечери, он сделал, как было повелено ему. И взяв в малый потир пречистого Тела и честной Крови Христа Бога нашего, положил в корзину смокв и фиников и немного чечевицы, размоченной в воде. Уходит он поздним вечером и садится на берегу Иордана, ожидая прихода святой. Медлит святая жена, но Зосима не засыпает, не сводит глаз с пустыни, ожидая увидеть желанное. Сидя на земле, старец размышлял сам с собой: «Или недостоинство мое помешало ей прийти? Или она приходила и, не найдя меня, воротилась обратно»? Так говоря, он заплакал, а заплакав, простонал и, подняв глаза к небу, начал молиться Богу:

«Дай мне, Владыка, опять увидеть то, чего раз сподобил. Да не уйду я тщетно, унося с собой свидетельство грехов моих». Помолившись так слезами, напал он на другую мысль. Сказал себе:

«А что будет, если она и придет? Нет челнока. Как она перейдет через Иордан ко мне недостойному? О я жалкий, несчастный! Кто лишил меня, и по заслугам такого блага»? И пока размышлял старец, вот показалась святая жена и стала на том берегу реки, откуда пришла. Зосима поднялся, радуясь и ликуя и славя Бога. И опять обуяла его мысль, что не может она перейти через Иордан. Видит он, что она осенила Иордан знамением Честнаго Креста (а ночь была лунная, как он сам рассказывал), и тотчас ступила на воду и движется по волнам, приближаясь к нему. И, когда он хотел сотворить метание, она возбранила ему, закричав, все еще идя по воде:

– «Что ты делаешь, авва, ты иерей и несешь Божественные Дары». Он повиновался ей, а она, выйдя на берег, говорит старцу:

– «Благослови, отец, благослови».

Он отвечал ей, дрожа (исступление овладело им при виде чудесного явления):

– «Воистину не лжив Бог, обещавший, что уподобятся Ему в меру сил очищающие себя. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавший мне чрез сию рабу Твою, как далек я от совершенства». Тут попросила его жена прочитать святой символ веры и «Отче наш». Он начал, она докончила молитву и по обычаю дала старцу поцелуй мира в уста. Причастившись Животворящих Таин, она подняла руки к небу и вздохнула со слезами, воскликнув: – «Ныне отпущаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видеста очи мои спасение Твое».

Потом сказала старцу:

– «Прости мне, авва, и исполни другое мое желание. Ступай теперь в монастырь, и благодать Божия да хранит тебя. А на будущий год приходи опять к истоку, где я впервые встретилась с тобой. Приходи ради Бога и опять увидишь меня, ибо такова воля Божия».

Он отвечал ей:

– «Хотел бы я с сего дня следовать за тобой и всегда видеть святое твое лицо. Исполни единственную просьбу старика и возьми немного пищи, которую я принес тебе». И с этими словами показывает ей на корзину. Она же, коснувшись чечевицы кончиками пальцев, и взяв три зерна, поднесла к устам, сказав, что довлеет благодать Духа, чтобы сохранить неосквернённым естество души. И снова сказала старцу:

– «Молись, ради Бога, молись за меня и помни о несчастной».

Он же, коснувшись ног святой и попросив ее молитв за Церковь, за царство и за него самого, со слезами отпустил ее и пошел, стеная и сокрушаясь. Ибо не надеялся победить непобедимую. Она же опять, перекрестив Иордан, ступила на воды и прошла по ним, как и прежде. А старец вернулся, исполненный и радости и страха, упрекая себя, что не подумал узнать имя святой. Но

надеялся исправить это на следующий год.

Когда же прошел год, снова идет он в пустыню все совершив по обычаю и спеша к чудесному видению.

Пройдя сквозь пустыню и видя уже некоторые знаки, указывающие на место, которое он искал, он смотрит вправо, смотрит влево, водя повсюду глазами, словно бывалый охотник, что хочет поймать любимого зверя. Но, не увидев нигде никакого движения, начал опять обливаться слезами. И, устремив к небу взоры, стал молиться:

«Укажи мне, Владыка, Твое сокровище чистое, что сокрыл Ты в пустыне. Укажи мне, молю, ангела во плоти, которого мир недостоин».

Так помолившись, пришел он к месту, имевшему вид потока, и на другом берегу его, обращенном к восходящему солнцу, увидел святую, лежащую мертвой: руки ее были сложены, как подобает, а лицо обращено к востоку. Подбежав, он оросил слезами ноги блаженной: ни к чему другому не дерзнул прикоснуться.

Поплакав не малое время и прочитав приличные случаю псалмы, он сотворил надгробную молитву и подумал про себя: «Подобает ли похоронить тело святой? или это будет ей неугодно?» И видит у головы ее начертанные на земле слова:

«Похорони, авва Зосима, на сем месте тело смиренной Марии, отдай праху прах, помолившись Господу за меня, преставившуюся в месяц Фармуфи египетский, по римски именуемый Апрелем, в первый день, в сию самую ночь Страстей Господних, после причастия Божественной и Тайной Вечери».

Прочтя письмена, обрадовался старец, что узнал имя святой. Поняв, что, как только причастилась она Божественных Таин, тотчас от Иордана перенеслась на то место, где и скончалась. Тот путь, что Зосима прошел с трудом в двадцать дней, Мария протекла в один час и немедленно переселилась к Богу.

Прославив Бога и обливая тело слезами, сказал он:

«Время, Зосима, исполнить повеленное. Но как ты, несчастный, выроешь могилу, не имея в руках ничего?» И тут он увидел неподалеку небольшой кусок дерева, брошенный в пустыне. Взяв его, принялся копать землю. Но суха была земля и не поддавалась усилиям старца. Он устал, обливаясь по́том. Вздохнул из глубины души и, подняв глаза, видит большого льва, стоящего возле тела святой и лижущего стопы ее. Увидев льва, он задрожал от страха, вспомнив особенно слова Марии, что она никогда не видала зверей. Но, оградив себя знамением Креста, поверил, что сохранит его невредимым сила лежащей здесь. Лев же подошел к нему, выражая ласку каждым своим движением. Зосима сказал льву:

— «Приказала Великая похоронить ее тело, а я стар и не в силах вырыть могилу (не имею лопаты и не могу вернуться в такую даль, чтобы принести годное орудие), сделай уж ты работу своими когтями, и отдадим земле смертную скинию святой». Он еще говорил, а лев уже вырыл передними лапами яму, достаточную, чтобы похоронить тело.

Снова оросил старец слезами ноги святой и, призывая ее молиться за всех, покрыл тело землей, в присутствии льва. Было оно наго, как и прежде, ничем не покрытое, кроме разодранной мантии, брошенной Зосимой, которой Мария, отвернувшись, прикрыла часть своего тела. Затем оба удалились. Лев ушел вглубь пустыни, словно овечка, Зосима вернулся к себе, благословляя и славя Христа Бога нашего. Придя в киновию, он обо всем поведал инокам, ничего не утаил, что слышал и видел. С самого начала все рассказал им подробно, и все дивились, слыша о чудесах Божиих, и со страхом и любовию творили память святой. Игумен же Иоанн нашел в монастыре некоторых, нуждающихся в исправлении, так что ни единое слово святой не оказалось бесплодным и неразгаданным. Скончался и Зосима в том монастыре, достигши почти столетнего возраста.

Иноки сохранили это предание без записи, предлагая всем,

желающим слушать, образ для назидания. Но не слышно было, чтобы кто-либо предал письму эту повесть до сего дня. Я же о том, что узнал устно, рассказал письменами. Быть может, и другие описывали жизнь святой, и много лучше и достойнее меня, хотя не дошло это до моего сведения. Но и я, по силам моим, записал сие повествование, выше всего ставя истину. Бог же, воздавая великое прибегающим к Нему, да подаст пользу чтущим сию повесть, в награду тому, кто повелел записать ее, и да удостоит принять в тот чин и сонм, где пребывает блаженная Мария, о которой повесть сия, вместе со всеми от века благоугодившими Ему богомыслием и трудами. Воздадим же и мы славу Богу, Царю всех веков, да удостоит и нас милости Своей в день суда, во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

* * *

(1) В издании жития преподобной матери нашей Марии Египетской нами исключительно руководило желание сохранить старый русский язык этого шедевра православной духовной литературы. В некоторых заграничных изданиях были попытки перередактировать это замечательное произведение на более модерный язык. Такие переработки, однако, не увенчались успехом, чего и надо было ожидать, потому что житие преп. Марии Египетской – не просто рассказ, который можно представить современному читателю на современном русском языке в любом издании, а почти что уже богослужебное чтение, которое требует особого стиля, особого духовного аромата и внутренней гармонии с великопостным православным богослужением. Этот старый русский язык в предлагаемом здесь житии святоотеческого творения Святителя Софрония, патриарха Иерусалимского, замечателен еще и тем, что он вполне понятен для широкой массы верующих, но тем не менее он и не современный русский язык, который мог бы звучать диссонансом среди богослужебных церковно-славянских текстов стихир и тропарей.

Источник: Житие преподобныя матери нашея Марии Египетския. — Монреаль: Издание Братства преп. Иова Почаевскаго Русской Православной Церкви Заграницей, 1980. — 23 с.

По материалам сайтов: http://www.pravoslavie.ru,

https://azbyka.ru/.